

В.Г. НЕМИРОВСКИЙ, А.В. НЕМИРОВСКАЯ

СОЦИАЛЬНАЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ: ШАНСЫ НА УСПЕХ У МОЛОДЕЖИ И ВЗРОСЛЫХ¹

Аннотация. В статье проанализированы различия в уровне социальной конкурентоспособности между молодежью и взрослым трудоспособным населением региона. Социальная конкурентоспособность понимается как интегральный феномен, выражающий способность одного социального актора эффективно реализовать свои цели в условиях соперничества с другими. Показаны основные подходы к изучению социальной конкурентоспособности в современной науке. Эмпирической базой работы выступает исследование, проведенное методом полуструктурированного интервью по месту жительства в 28 населенных пунктах Красноярского края в феврале 2016 г. (n = 1000). Впервые сформирован композитный «индекс конкурентоспособности» (ИК), включающий две группы показателей; в первой отражено объективное социальное положение индивида: уровень образования, материальное положение, принадлежность к определенному социальному слою, уровень управленческих полномочий, во второй — его важнейшие субъективные характеристики: удовлетворенность жизнью в целом, степень уверенности в своем будущем и оценка позитивности-негативности изменений в своей жизни и жизни семьи за истекший год. Выявлена определенная тенденция: социальная конкурентоспособность молодежи (в соответствии с ИК) может быть выше, чем у взрослых респондентов. Проанализированы социокультурные факторы социальной

Немировский Валентин Геннадьевич — доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Тюменский государственный университет. Адрес: 625003, Тюмень, ул. Володарского, д. 6.

Телефон: +7 (981) 134-69-37. **Электронная почта:** valnemirov@mail.ru

Немировская Анна Валентиновна — кандидат социологических наук, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, НИУ Высшая школа экономики. Адрес: 101100, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Телефон: +7 (812) 560-04-43. **Электронная почта:** annanemirov@hse.ru

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки РФ «Формирование конкурентоориентированности и конкурентоспособности молодежи в российском обществе в контексте современной социокультурной динамики». Код проекта 28.2941.2017/4.6.

конкурентоспособности молодежи: ценностные ориентации (по Ш. Шварцу), жизненные ресурсы, эмоциональное состояние. Показана тенденция, что социальная конкурентоспособность в целом выше у тех, кто склонен к положительным эмоциональным состояниям. Конкурентоспособность молодежи, по сравнению с взрослыми, имеет более рациональные основания, опирается на узкий спектр ценностных ориентаций и жизненных ресурсов. Сформулирован вывод о важности дальнейшего исследования социальной конкурентоспособности молодежи с использованием более широкого круга показателей и представительной эмпирической базы.

Ключевые слова: социальная конкурентоспособность; ценности по Шварцу; эмоциональные состояния; жизненные ресурсы; регион; молодежь; взрослые.

Для цитирования: Немировский В.Г., Немировская А.В. Социальная конкурентоспособность: шансы на успех у молодежи и взрослых // Социологический журнал. 2018. Том 24. № 2. С. 135–149. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.2.5848

Введение

Конкурентоспособность активно изучается в различных странах мира. Наиболее часто предметом исследований становятся конкурентоспособность персонала, фирм, отраслей экономики, регионов, государств и т. п. (теория менеджмента и экономические дисциплины), а также формирование профессиональной конкурентоспособности в системе образования (педагогика и психология). При этом социальная конкурентоспособность в социологии остается весьма малоизученной. На наш взгляд, данный феномен выступает одной из важных форм социальных связей и выражает способность какого-либо социального актора реализовать свои цели в условиях соперничества с другими. Это более общее понятие по сравнению с достаточно исследованной профессиональной конкурентоспособностью.

Проблема социальной конкурентоспособности такой важной общественной группы, как молодежь, резко актуализировалась в последние годы. Недостаток в современном российском обществе эффективных социальных лифтов, на фоне роста прагматических и престижно-потребительских ориентаций молодежи, способствует распространению социального недовольства среди подростков, популярности криминальной субкультуры. Усиление социального расслоения, зачастую противоречивое реформирование системы образования, взрывное распространение информационных технологий, отсутствие внятно сформулированных и донесенных до молодежи моделей жизни, соответствующих целям общественного развития, неоднозначно повлияли на ее социальную конкурентоспособность. Среди эмигрирующих из России в последнее десятилетие увеличивает-

ся доля молодежи, высокообразованных и высококвалифицированных и обеспеченных лиц [3, с. 66]. Актуальность исследования социальной конкурентоспособности молодежи определяется и ростом конкуренции в современном российском обществе в условиях экономического кризиса за различные ресурсы: от материальных благ до престижа, статуса, власти и т. п.

Вместе с тем наблюдается отчетливая тенденция роста числа молодых успешных предпринимателей, государственных служащих и т.п., что может свидетельствовать как о росте конкурентоспособности молодежи, так и об острой конкуренции за рабочие места с представителями старших когорт. Так, в 2015 г. средний возраст занятых в госуправлении составлял 38 лет, более молодые кадры были отмечены только в финансовой отрасли, а также в торговле и сервисе; доля занятых в возрасте до 30 лет в госуправлении составляла 28% (в 2002 г. — 24%), в финансовой деятельности — 34%, в торговле и сервисе — 29% [7, с. 56]. Конкурентоспособности молодежи на рынке труда способствует реализация программ, направленных на повышение числа предпринимателей среди молодежи: например, федеральная программа развития предпринимательства «Ты — предприниматель» и целевая программа «Вовлечение молодежи в предпринимательскую деятельность» Росмолодежи; программа поддержки и развития молодежного предпринимательства «Молодежный бизнес России» Международного форума лидеров бизнеса (IBLF Russia). Центры молодежного предпринимательства, бизнес-инкубаторы открыты при многих университетах, проводятся ежегодные молодежные новаторские и предпринимательские форумы. Привлекают молодежь к работе в органах государственной власти региональные и отраслевые программы «Молодежный кадровый резерв».

Важен и демографический аспект: старение населения, сокращение в нем доли молодежи меняет возрастную структуру занятого населения. Если за предыдущие 15 лет общая численность занятых увеличивалась, что способствовало экономическому росту, то сейчас численность рабочей силы стала сокращаться, причем в наиболее производительных возрастах 25–35 лет. Одновременно стал расти уровень занятости в группе 56–60-летних. В 2015 г. модальной возрастной группой на рынке труда были 26–30-летние, и дальше ожидается, что вместе с взрослением самой многочисленной когорты мода будет только расти. К 2030 г. численность рабочей силы уменьшится, она постареет, но будет состоять, вероятно, из более образованных людей [5, с. 44]. С одной стороны, это повысит спрос на молодую рабочую силу, которая будет в дефиците, с другой — поставит вопросы о конкурентоспособности, переквалификации, мобилизации на рынок труда

людей пенсионного возраста. Поэтому социальную конкурентоспособность важно исследовать уже сейчас.

Исследовательский подход

Социальную конкурентоспособность мы определяем как интегральный показатель, выражающий способность социального актора эффективно реализовать свои цели в обществе по сравнению с другими социальными акторами. Она выступает одним из основных проявлений человеческого капитала и субъективного благополучия социального актора.

Цель исследования — выявить различия в уровне социальной конкурентоспособности молодежи в сравнении с взрослым экономически активным населением региона и установить специфику обуславливающих конкурентоспособность социокультурных факторов: ценностей, жизненных и социальных ресурсов, эмоциональных состояний.

Характер ценностных ориентаций субъекта во многом определяет специфику социальной конкурентоспособности и его жизненную траекторию. Например, на основе ценностного содержания в ней определяются два аспекта: «конкурентоспособность превосходства» и «конкурентоспособность мастерства» [14]. В своем исследовании мы опирались на концепцию ценностей, предложенную Ш. Шварцем и получившую широкое распространение в современной социологии. Согласно его теории, 10 базовых жизненных ценностей, или латентных мотивационных типов, имеют устойчивые связи между собой и объединяются в 4 укрупненных типа ценностей: самоутверждение, выход за пределы своего «я», сохранение и открытость изменениям [16]. Эти категории образуют две ценностные оси: «открытость изменениям — сохранение» (или индивидуализм — конформизм) и «выход за пределы своего “я” — самоутверждение» (иными словами, альтруизм — эгоизм) [11].

Категория «выход за пределы своего “я”» включает две ценности:

- универсализм, как понимание и защита благополучия всех людей (включая незнакомых), защита природы, толерантность: «для этого человека важно заботиться об окружающей среде и природе»;
- благожелательность, как забота о повышении благополучия людей, с которыми человек часто контактирует лично: «для этого человека важно помогать ближним, заботиться об их благополучии».

Категория «сохранение» включает три ценности:

- конформность, как избегание нарушений социальных норм и ожиданий: «для этого человека важно всегда вести себя правильно, не совершать поступков, которые люди бы не одобрили»;
- традиция, как принятие идей и моделей поведения, которые отражают традиционную культуру: «для этого человека важно следовать традициям и обычаям, принятым в его семье или религии»;

— безопасность, как желание избегать опасности и нестабильности: «жизнь в безопасности очень важна для этого человека, он избегает всего, что может сулить опасность».

Категория «самоутверждение» включает две ценности:

— власть-богатство, как желание статуса и престижа, установления контроля над людьми и ресурсами: «для этого человека важно быть богатым, иметь много денег и дорогих вещей»;

— достижение, как желание быть компетентным, успешным и признанным за личные достижения: «для этого человека важно быть очень успешным, чтобы окружающие знали о его достижениях».

Категория «открытость изменениям» включает три ценности:

— гедонизм, как стремление к удовольствиям и чувственному удовлетворению: «для этого человека важно хорошо проводить время, баловать себя»;

— риск-новизна, как желание острых ощущений, новизны и вызовов: «приключения и риск очень важны для этого человека, он стремится к жизни, полной захватывающих событий»;

— самостоятельность, как независимость от внешнего контроля или ограничений в мышлении и действиях, творчество: «для этого человека важно предлагать новые идеи, быть творческой личностью, идти своим путем».

Важной особенностью социальной конкурентоспособности человека выступает специфика используемых им социальных ресурсов — тема, которая активно разрабатывается в современной социологии. Так, Дж. Тернер рассматривает конкурентоспособность как один из важнейших общественных ресурсов (наряду с деньгами, здоровьем и др.), неравное распределение которых ведет к возникновению системы классовой стратификации. При этом классы ранжируются в соответствии с долями и комбинациям этих ресурсов [19, р. 30]. Социальные ресурсы анализируются в ряде исследований отечественных социологов [2; 6; 8], менее освещена тема жизненных ресурсов человека, относящаяся скорее к сфере психологической науки [1; 5].

Эмоциональные состояния — один из видов эмоциональных феноменов, которые влияют на субъективное благополучие человека, на эффективность его социальных взаимодействий и социального продвижения. Их можно определить как устойчивые реакции человека на возможность удовлетворения своих потребностей и достижения целей с учетом доступных ресурсов. Социальная обусловленность эмоциональных состояний не вызывает сомнения и доказана множеством исследований, проводимых как в рамках психологической науки, так и социологии эмоций. Одновременно они выступают важным

социальным ресурсом, что является одной из аксиом современной социологии эмоций. Так, по мнению Р. Тамма, эмоциональная дифференциация в социуме является следствием социоструктурной дифференциации. Между эмоциями, которые испытывает социальный субъект, и условиями, в которых реализуются его действия, имеется предсказуемое соответствие [18]. Дж. Тернер пишет: «Как и все ценные ресурсы, положительные и отрицательные эмоции неравномерно распределены в обществе и являются важной основой социальной стратификации... Расслоение эмоций столь же реально, как неравенство в деньгах и власти, и оно оказывает значительное влияние на динамику человеческого общества» [19, р. 168]. Социальный контекст эмоциональных состояний в социологии хорошо изучен [9; 10; 12; 13; 15].

Наряду с этим, согласно исследованиям, дисфункциональное поведение индивидов при формировании и реализации их конкурентных устремлений связано с низким уровнем психологического благополучия (в нашем случае выражаемого уровнем эмоциональных переживаний) [20]. Доказано, что субъективное благополучие непосредственно влияет на конкурентоспособность; интенсификация психологических переживаний в процессе карьерного роста снижает общий уровень тревожности субъекта и делает его более конкурентоспособным [17].

Поэтому в анализе конкурентоспособности эвристично рассмотреть уровень эмоциональных состояний, в нашем случае — особенности негативных или позитивных эмоций молодежи и взрослых. Уровень эмоциональных состояний определяется различными социокультурными, психологическими, генетическими и т. п. факторами и характеризует специфику социальной конкурентоспособности актора.

В процессе исследования были выдвинуты две гипотезы:

1. Современная молодежь (в возрасте 18–25 лет) обладает более высокой социальной конкурентоспособностью, чем взрослые трудоспособного возраста 26–65 лет).
2. По сравнению с взрослым населением региона, социальная конкурентоспособность молодежи обусловлена специфическими социокультурными факторами.

Методика исследования

Исследование проводилось социологами Сибирского федерального университета методом полуструктурированного интервью по месту жительства в 28 населенных пунктах Красноярского края в феврале 2016 г. ($n = 1000$). Использована стратифицированная, многоступенчатая, районированная выборка, репрезентирующая половозрастную, образовательную и поселенческую структуру региона.

При измерении ценностных ориентаций респонденту предлагалось оценить по 6-балльной шкале меру своего сходства с человеком, описанным рядом ценностных суждений: 1 — очень похож на меня ... 6 — совсем не похож на меня.

Характеристика уровня эмоциональных состояний респондентов основана на применении девяти высказываний: от крайне негативных («ощущаю глубокую беспомощность») до крайне позитивных («испытываю огромный прилив сил, вдохновение»). Эмоциональные состояния измерялись с помощью 4-балльной шкалы оценок: «испытываю практически постоянно» (4 балла), «испытываю иногда», «испытываю редко», «не испытываю» (1 балл) (см. табл. 2).

Для определения важных жизненных ресурсов задавался вопрос: «Что для Вас является источником внутренних сил, дает Вам энергию, волю к жизни?». Список видов жизненных ресурсов предлагалось оценить по 3-балльной шкале: «самое важное для меня» (3 балла), «иногда», «не является» (1 балл).

Степень доступности социальных ресурсов оценивалась с помощью индикатора: «Соответствует ли то, что Вы лично получаете от общества, тому, что Вы ему даете?»; варианты ответов: «получаю меньше, чем даю» (3 балла), «получаю примерно столько же, сколько даю», «получаю больше, чем даю» (1 балл).

Результаты исследования

На первом этапе был сформирован композитный «индекс конкурентоспособности» (ИК), который выступает центральным инструментом нашего анализа.

Все компоненты ИК представляют собой элементы человеческого капитала и субъективного благополучия, измеряемые наиболее высокими значениями основных показателей, включенных в данный вопросник. Так что ИК выступает индикатором максимально высокого уровня человеческого капитала и субъективного благополучия.

ИК включает две группы показателей: (1) объективное социальное положение индивида: уровень образования, материальное положение, принадлежность к определенному социальному слою, уровень управленческих полномочий; (2) субъективные характеристики благополучия: удовлетворенность жизнью в целом, степень уверенности в своем будущем и оценка позитивности-негативности изменений в жизни семьи по сравнению с прошлым годом. За каждый позитивный ответ респонденту присваивался 1 балл, сумма баллов делилась на количество переменных (7), так что в итоге индивидуальные значения индекса распределились в диапазоне от 0 до 1. Чем выше значение индекса, тем более конкурентоспособен респондент.

Среднее значение ИК по всей выборке составляет 0,4049, стандартное отклонение 0,2086. Для анализа были выделены две подвыборки,

составляющие 88,2% от общего числа респондентов. Они представляют две социально-демографические группы: молодежь в возрасте 18–25 лет (среднее значение ИК — 0,4345; дисперсия 0,0042) и взрослых в экономически активном возрасте 26–65 лет (среднее значение ИК — 0,3942; дисперсия 0,0044). Как видим, ИК молодежи несколько выше, чем у взрослых. Если рассматривать элементы ИК по отдельности, то выявлены незначительные различия (наибольшие — в уровне образования). Так, средние значения по уровню образования у молодежи — 0,44, у взрослых — 0,31; оценка своего материального положения у молодежи — 0,25, у взрослых — 0,20; оценка своей принадлежности к социальному слою у молодежи и у взрослых 0,76–0,77; наличие подчиненных на работе у молодежи — 0,03, у взрослых — 0,07; степень удовлетворенности своей жизнью у молодежи — 0,63, у взрослых — 0,60; степень уверенности в своем будущем у молодежи и у взрослых — 0,56–0,57; оценка степени позитивности-негативности изменений в жизни респондента и его семьи по сравнению с прошлым годом у молодежи и взрослых — 0,37. Сходство показателей по характеристикам человеческого капитала и субъективного благополучия, включенным в ИК, не выявляет явных различий в конкурентоспособности между молодежью и взрослыми. Поэтому обратимся к анализу социокультурных факторов.

Ценностные ориентации

Как следует из табл. 1, незначительные различия между молодыми и взрослыми, твердо уверенными, что им свойственна предлагаемая ценностная формулировка, наблюдаются в ориентациях на ценности самостоятельности (доля выбравших вариант «очень похоже на меня»).

Таблица 1

Ценности молодежи и взрослых

Ценности	Средние значения по шкале от 1 до 6		Доля выбравших вариант «очень похоже на меня», %	
	Молодежь	Взрослые	Молодежь	Взрослые
универсализм	3,8	3,9	11	11
благожелательность	4,1	4,1	14	14
конформность	3,6	3,9	4	9
традиция	3,9	4,0	12	16
безопасность	4,0	4,1	16	19
власть-богатство	3,7	3,6	8	6
достижение	4,2	4,0	15	16
гедонизм	4,3	4,0	14	10
риск-новизна	3,9	3,7	10	12
самостоятельность	4,3	4,0	22	13

Среди молодежи выделяется отрицательная корреляция индекса конкурентоспособности с ценностями безопасности (коэффициент Пирсона $-0,198^{**2}$) и ценностями конформности ($-0,217^{**}$). В выборке взрослых наблюдается иная ситуация: ИК более всего связан с ценностями достижения ($0,265^{**}$), самостоятельности ($0,252^{**}$) и гедонизма ($0,229^{**}$), немного ниже корреляция с ценностями риска-новизны ($0,189^{**}$) и власти-богатства ($0,170^{**}$), также обнаружена связь с ценностью благожелательности ($0,134^{*3}$).

Эмоциональные состояния

Исследование показало, что ИК у взрослых респондентов коррелирует со всеми представленными в вопроснике описаниями эмоциональных состояний, в то время как у молодежи — лишь с некоторыми. Но и у тех и у других выявлена общая тенденция: с позитивными эмоциональными состояниями ИК коррелирует положительно, с негативными — отрицательно (см. табл. 2).

Таблица 2

Корреляции эмоциональных состояний с индексом конкурентоспособности

Эмоциональные состояния	Коэффициент корреляции Пирсона	
	Взрослые	Молодежь
огромный прилив сил, вдохновение	0,201*	0,175*
прекрасное самочувствие, новые идеи, замыслы	0,205**	0,180*
состояние умиротворения и гармонии	0,165**	0,199*
чувствую спокойную уверенность в своих силах, вполне удовлетворен собой	0,163**	0,290*
особой энергии не наблюдаю, но есть желание изменить ситуацию	-0,144**	-
чувствую злость, раздражение по отношению к окружающему миру	-0,186**	-
сил не хватает, чувствую усталость	-0,201**	-
ощущаю катастрофическую нехватку сил, нежелание делать что-либо	-0,230**	-0,181*
ощущаю глубокую беспомощность	-0,290**	-

Это значит, что социальная конкурентоспособность в целом выше у тех, кто склонен к положительным эмоциональным состояниям: эмоционально-позитивные и стабильные люди социально более конкурент-

² Знак ** показывает статистическую значимость на уровне 0,01.

³ Знак * показывает статистическую значимость на уровне 0,05.

тоспособны. В то же время испытываемые трудности самореализации вызывают негативные эмоциональные состояния.

Ресурсы

В целом взрослые люди используют значительно более широкий спектр жизненных ресурсов, нежели молодые. Так, ИК у этой группы коррелирует (коэффициент Пирсона) с такими ресурсами, как стремление реализовать свои планы, цели (0,243**), деньги (0,227**), занятия спортом (0,211**), профессиональная деятельность (0,195**), общение с друзьями, коллегами (0,161*), конкуренция, чувство соперничества (0,153*), интимные отношения (0,138*); у молодежи — лишь со стремлением реализовать свои планы (0,218**). Отмеченные возрастные различия могут быть связаны с лучшим освоением взрослыми людьми в течение своей жизни практик, обеспечивающих доступ к различным ресурсам: психофизиологическим, социальным, ценностно-эмоциональным, а также с прагматизмом современной молодежи.

Что касается социальных ресурсов, то у молодежи наиболее высокий ИК демонстрируют респонденты, которые выбрали вариант ответа «получаю от общества больше, чем даю ему сам» (0,452). В когорте взрослых выбравшие данный вариант ответа имеют наименьший показатель ИК (0,325).

Выводы

Исследования показали: по-видимому, анализ столь сложного феномена, как социальная конкурентоспособность, требует поиска новых способов его эмпирической интерпретации и измерения. На данных опроса жителей Красноярского края обнаружена некоторая тенденция к тому, что социальная конкурентоспособность молодежи (в соответствии с ИК) может быть выше, чем у взрослых респондентов в трудоспособном возрасте. Выявлены категории, по которым перспективно ожидать проявлений специфики в социокультурных факторах социальной конкурентоспособности у молодежи и взрослых.

С помощью методики Ш. Шварца обнаружена слабая тенденция к более значимой ориентации на самостоятельность у молодежи по сравнению со взрослыми. При этом, по данным корреляционного анализа, социокультурными факторами социальной конкурентоспособности у молодежи могут выступать неконформизм и нежелание избегать опасности и нестабильности. Напротив, социальная конкурентоспособность взрослых может мотивироваться широким спектром различных ценностных ориентаций: на достижения, самостоятельность, гедонизм и др.

Получены определенные основания считать, что социальная конкурентоспособность у молодежи может выступать средством преодоления отрицательных или нейтральных эмоциональных состояний. По сравнению с конкурентоспособностью взрослого трудоспособного населения это качество молодежи будет иметь более рациональный и прагматический характер, в пользу чего говорит выявленное в исследовании рациональное стремление молодежи реализовать свои планы. Кроме того, конкурентоспособные молодые люди считают, что в избытке обеспечены социальными ресурсами, тогда как конкурентоспособные представители старших поколений склонны говорить об их недостатке. Логично предположить, что различие в оценке обеспеченности социальными ресурсами связано с тем, что социальная конкурентоспособность современной молодежи во многом обусловлена социальным и экономическим статусом родителей. Тогда как конкурентоспособные взрослые пробивались в жизни самостоятельно и уже испытали на себе груз различных социальных обязательств.

В целом, проанализированные данные позволяют предположить, что при использовании более широкого круга обоснованных показателей для измерения столь сложного в плане операционализации феномена, как социальная конкурентоспособность, шансы на успех в современном российском обществе у молодежи, по крайней мере обследованного региона, окажутся статистически значимо выше нежели у взрослых.

Исследование показало, что анализ столь сложного для операционализации феномена, как социальная конкурентоспособность, требует поиска новых способов его измерения и эмпирической интерпретации. Можно надеяться, что расширение круга показателей социальной конкурентоспособности позволит получить более насыщенные интерпретации различий между возрастными когортами в шансах на успех в современном российском обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балацкий Е.В. Теория жизненных ресурсов: модели и эмпирические оценки // Мониторинг общественного мнения. 2007. № 2 (82). С. 124–133.
2. Беляева Л.А. Социальные ресурсы населения в России и Европе: сравнительный анализ // Общественные науки и современность. 2010. № 3. С. 23–36.
3. Демографические вызовы России. Экспертно-аналитический доклад. М.: Центр стратегических разработок, 2017 [электронный ресурс]. Дата обращения 06.07.2017. URL: <<https://www.csr.ru/wp-content/uploads/2017/11/Report-Demography-web.pdf>>.

4. *Кузьменко Т.В.* Жизненные ресурсы рабочей молодежи: социологический анализ // Социологический альманах. 2016. № 7. С. 231–238.
5. Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения: Доклад Центра трудовых исследований и Лаборатории исследований рынка труда НИУ ВШЭ / Под. ред. В. Гимпельсона, Р. Капелюшниковой, С. Рощина. М.: НИУ ВШЭ; Центр стратегических разработок, 2017 [электронный ресурс]. Дата обращения 22.09.2017. URL: <http://csr.ru/wp-content/uploads/2017/03/Doklad_trud.pdf>.
6. *Тихонова Н.Е.* Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф: Ин-т социологии РАН, 2014. С. 245–351.
7. Труд и занятость в России. 2015: Стат. сборник. М.: Росстат, 2015 [электронный ресурс]. Дата обращения 22.09.2017. URL: <http://www.gks.ru/free_doc/doc_2015/trud15.pdf>.
8. *Чернега А.А.* Специфика социальных ресурсов: от понимания к применению // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. Т. 2. № 2 (58). С. 157–160.
9. *Barbalet J.M.* Emotion, Social Theory, and Social Structure: A Macrosociological Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. — 222 p. DOI: 10.1017/CBO9780511488740
10. *Collins R.* Conflict Sociology: Toward an Explanatory Science. New York: Academic Press, 1975. — 584 p.
11. *Held M., Mueller J., Deutsch F., Grzechnik E., Welzel Ch.* Value Structures and Dimensions: Evidence from the German WVS // World Values Research. 2009. Vol. 2. No. 3. P. 56–77.
12. *Hochschild A.R.* Emotion Work, Feeling Rules and Social Structure // American Journal of Sociology. 1979. Vol. 85. P. 551–573. DOI: 10.1086/227049
13. *Honneth A.* The Struggle for Recognition: The Moral Grammar of Social Struggles. Cambridge: Polity Press, 1995. — 215 p.
14. *Kayhan E.* Two Facets of Competitiveness and Their Influence on Psychological Adjustment // Illinois Wesleyan University. Psychology. Honors Projects. Paper 4 [online]. Accessed 06.07.2017. URL: <http://digitalcommons.iwu.edu/psych_honproj/4>.
15. *Kemper T.D.* Power and Status and the Power-status Theory of Emotions // Handbook of the Sociology of Emotions. New York: Springer, 2006. P. 87–113.
16. *Schwartz S.H.* Universals in the Content and Structure of Values: Theory and Empirical Tests in 20 Countries // Advances in Experimental Social Psychology / Ed. by M. Zanna. 1992. Vol. 25. P. 1–65.
17. *Strauser D.R., Lustig D.C., Çiftçi A.* Psychological Well-Being: Its Relation to Work Personality, Vocational Identity, and Career Thoughts // The Journal of Psychology. 2008. Vol. 142. No. 1. P. 21–35. DOI: 10.3200/JRLP.142.1.21-36
18. *Thamm R.* Social Structure and Emotion // Sociological Perspectives. 1992. Vol. 35. No. 4. P. 649–671. DOI: 10.2307/1389303
19. *Turner J.H.* Theoretical Principles of Sociology. Vol. 2: Microdynamics. New York: Springer, 2010. — 348 p. DOI: 10.1007/978-1-4419-6225-6

20. *Wiese B.S., Freund A.M., Baltes P.B.* Subjective career success and emotional well-being: the Longitudinal predictive power of selection, optimization, and compensation // *Journal of Vocational Behavior*. 2002. Vol. 60. No. 3. P. 321–335.

Дата поступления: 18.07.2017.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL
2018. VOL. 24. No. 2. P. 135–149. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.2.5848

V.G. NEMIROVSKIY
Tyumen State University
Tyumen, Russian Federation

A.V. NEMIROVSKAYA
Higher School of Economics
Moscow, Russian Federation

Valentin G. Nemirovskiy — Doctor of Sociological Sciences, Full Professor, Chief Research Fellow, Sociological Laboratory, Tyumen State University.
Address: 6, Volodarskogo str., 625003, Tyumen, Russian Federation.
Phone: +7 (981) 134-69-37. **Email:** valnemirov@mail.ru

Anna V. Nemirovskaya — Candidate of Sociological Sciences, Candidate of Philological Sciences, Senior Research Fellow, Laboratory for Comparative Social Research, National Research University Higher School of Economics.
Address: 20, Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.
Phone: +7 (911) 941-94-28. **E-mail:** annanemirov@hse.ru

**SOCIAL COMPETITIVENESS:
CHANCES FOR SUCCESS AMONG YOUTH AND ADULTS**

Abstract. This work analyzes the differences in the social competitiveness between young people and the productive adult population of certain regions. Social competitiveness is considered to be an integral phenomenon, expressing the ability of social actors to more efficiently achieve their goals in society, when compared to others. Discussed are the main approaches towards studying social competitiveness. The study is based on the results of a survey carried out in February 2016 (n = 1000) using such a method as formalized interview at the place of residence, conducted in 28 settlements of the Krasnoyarsk Territory. Levels of social competitiveness are analyzed via a composite “competitiveness index” (IC), which includes two types of indicators. The first expresses an individual’s objective social position (level of education, material and social status, level of managerial authority). The second includes subjective characteristics: life satisfaction, degree of confidence in the future, evaluating the degree of positive/negative changes in the life of one’s family compared to the previous year. The certain tendency is revealed: the social competitiveness of young people (in accordance with the IC) may be higher than that of adult respondents. Socio-cultural factors of youth’s social competitiveness are also analyzed: value orientations (according to Sh. Schwartz), life resources, and emotional states. The tendency is shown, that social competitiveness is generally higher among those respondents who gravitate more towards positive emotional states. The

competitiveness of youth, in comparison to adults, has more rational foundations, is based on a narrow range of value orientations and life resources. The conclusion is formulated on the importance of further research on the social competitiveness of young people using a wider range of indicators and a representative empirical base.

Keywords: social competitiveness; Schwartz values; emotional states; life resources; region; youth; adults.

For citation: Nemirovskiy V.G., Nemirovskaya A.V. Social Competitiveness: Chances for Success among Youth and Adults. *Sotsiologicheskij Zhurnal = Sociological Journal*. 2018. Vol. 24. No. 2. P. 135–149. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.2.5848

REFERENCES

1. Balackij E.V. The Theory of Life Resources: Models and Empirical Estimates. *Monitoring obshhestvennogo mnenija*. 2007. No. 2 (82). P. 124–133. (In Russ.)
2. Belyaeva L.A. Social Resources of the Population in Russia and Europe: Comparative Analysis. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. 2010. No. 3. P. 23–36. (In Russ.)
3. *Demographic Challenges of Russia. An Expert Analytical Report*. Moscow: Centr strategicheskikh razrabotok publ., 2017. Accessed 06.07.2017. URL: <<https://www.csr.ru/wp-content/uploads/2017/11/Report-Demography-web.pdf>>. (In Russ.)
4. Kuzmenko T.V. Life Resources of Working Youth: Sociological Analysis. *Sociologicheskij al'manah*. 2016. No. 7. P. 231–238. (In Russ.)
5. *Rossijskij rynek truda: tendencii, instituty, strukturnye izmenenija: Doklad Centra trudovykh issledovanij i Laboratorii issledovanij rynka truda NIU VShJe*. [The Russian Labor Market: Trends, Institutions, Structural Changes: Report of the Center for Labor Studies and Laboratories of Labor Market Research, NRU HSE.] Ed. by V. Gimpelson, R. Kapelyushnikov, S. Roshchin. Moscow: NIU VShJe; Centr strategicheskikh razrabotok publ., 2017. Accessed 22.09.2017. URL: <http://csr.ru/wp-content/uploads/2017/03/Doklad_trud.pdf>. (In Russ.)
6. Tikhonova N.E. *Social'naja struktura Rossii: teorii i real'nost'*. [Social Structure of Russia: Theory and Reality.] Moscow: Novyj hronograf: In-t sociologii RAN publ., 2014. P. 245–351. (In Russ.)
7. *Trud i zanjatost' v Rossii. 2015: Stat. sb.* [Labor and Employment in Russia. 2015: Statistical Book.] Moscow: Rosstat publ., 2015. Accessed 22.09.2017. URL: <http://www.gks.ru/free_doc/doc_2015/trud15.pdf>.
8. Chernega A.A. Specificity of Social Resources: from Understanding to Application. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014. Vol. 2. No. 2 (58). P. 157–160. (In Russ.)
9. Barbalet J.M. *Emotion, Social Theory, and Social Structure: A Macrosociological Approach*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 222 p. DOI: 10.1017/CBO9780511488740
10. Collins R. *Conflict Sociology: Toward an Explanatory Science*. New York: Academic Press, 1975. 584 p.
11. Held M., Mueller J., Deutsch F., Grzechnik E., Welzel Ch. Value Structures and Dimensions: Evidence from the German WVS. *World Values Research*. 2009. Vol. 2. No. 3. P. 56–77.
12. Hochschild A.R. Emotion Work, Feeling Rules and Social Structure. *American Journal of Sociology*. 1979. Vol. 85. P. 551–573. DOI: 10.1086/227049
13. Honneth A. *The Struggle for Recognition: The Moral Grammar of Social Struggles*. Cambridge: Polity Press, 1995. 215 p.
14. Kayhan E. Two Facets of Competitiveness and Their Influence on Psychological Adjustment. *Illinois Wesleyan University. Psychology. Honors Projects. Paper 4*. Accessed 06.07.2017. URL: <http://digitalcommons.iwu.edu/psych_honproj/4>.

15. Kemper T.D. Power and Status and the Power-status Theory of Emotions. *Handbook of the Sociology of Emotions*. New York: Springer, 2006. P. 87–113.
16. Schwartz S.H. Universals in the Content and Structure of Values: Theory and Empirical Tests in 20 Countries. *Advances in Experimental Social Psychology*. Ed. by M. Zanna. 1992. Vol. 25. P. 1–65.
17. Strauser D.R., Lustig D.C., Çiftçi A. Psychological Well-Being: Its Relation to Work Personality, Vocational Identity, and Career Thoughts. *The Journal of Psychology*. 2008. Vol. 142. No. 1. P. 21–35. DOI: 10.3200/JRLP.142.1.21-36
18. Thamm R. Social Structure and Emotion. *Sociological Perspectives*. 1992. Vol. 35. No. 4. P. 649–671. DOI: 10.2307/1389303
19. Turner J.H. *Theoretical Principles of Sociology. Vol. 2: Microdynamics*. New York: Springer, 2010. 348 p. DOI: 10.1007/978-1-4419-6225-6
20. Wiese B.S., Freund A.M., Baltes P.B. Subjective career success and emotional well-being: the Longitudinal predictive power of selection, optimization, and compensation. *Journal of Vocational Behavior*. 2002. Vol. 60. No. 3. P. 321–335.

Received: 18.07.2017.
